

DOI: 10.15393/j9.art.2020.7603

УДК 398.22+82-131

А. С. Миронов*Московский государственный институт культуры**(Химки, Московская обл., Российская Федерация)*

arsenymir@yandex.ru

Аксиологический анализ былин о Дунае и Потыке

Аннотация. На основании содержательного анализа былин о Дунае Ивановиче и Михайле Потыке выявлены эпические мотивы, трактуемые как смысловое единство мотивировки героя, его поступка и последствий поступка. Это единство обусловлено действием «духовных законов», имманентных русскому эпическому сознанию. Для каждого мотива характерны такие признаки, как конкретная слабость, грех, страсть (которая овладевает героем и которая вызывает греховную симпатию-«подобострастие» слушателей), пленение грехом, преступление, наказание как закономерное следствие мотивировки и поступка. В статье сформулирован познавательный-этический смысл каждого из мотивов былины. Установлена разность аксиологических координат каждого действия до и после его совершения (в оценке героя и слушателя). Мотивы указанных былин классифицированы по типу и по критериям вовлеченности в параллельные конструкции с другими мотивами того же типа и мотивами-антиподами. Результатом исследования стало опровержение распространенного среди эпосоведов представления о «бессмысленности» былин, о противоречивости одновременных смыслов русского эпоса, о «порче» его содержания за время бытования в той или иной среде (крестьянской, скоморошьей, каличьей, казачьей), об «инородности» якобы позднейших христианских концептов и идеологем.

Ключевые слова: фольклор, аксиология, героический эпос, былины, эпический мотив, Дунай, Потык

Об авторе: *Миронов Арсений Станиславович* — кандидат филологических наук, доцент кафедры народной художественной культуры, Московский государственный институт культуры (ул. Библиотечная, 7, г. Химки, Московская обл., Российская Федерация, 141406)

Дата поступления: 23.02.2020

Дата публикации: 07.07.2020

Для цитирования: Миронов А. С. Аксиологический анализ былин о Дунае и Потыке // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 3. — С. 20–46. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7603

Эпические сюжеты о «неглавных» богатырях киевского цикла — Дунае Ивановиче и Михайле Потыке — содержат, по мнению эпосоведов мифологической школы [Буслаев, 1861: 239], [Буслаев, 1987: 23, 48], [Миллер О. Ф.: 337, 340–357], «неомифологов» и ритуалистов [Пропп: 143–146], [Мачинский: 171], [Черняева: 276], [Новичкова], [Еремина: 71–85], [Фроянов: 371–373], [Путилов, 1994: 125, 133], [Путилов, 1999: 158], архаические мотивы, связанные с представлениями мифологического сознания, ритуалами и магическими практиками. Сторонники миграционной теории и теории самозарождения сюжетов [Стасов: 669–680], [Веселовский: 294], [Лобода: 233–283], [Соколов], [Жирмунский: 109], [Халанский, 1885: 117], [Халанский, 1895: 649–651], а также представители исторической школы былиноведения [Миллер В. Ф.: 223], [Рыбаков: 159–160, 168], [Аникин, 1980: 310–313], [Аникин, 1983: 315–317], [Азбелев: 122], [Смолицкий: 123] в этих же былинах выявляли «стыки» взаимоисключающих мировоззренческих концептов (заимствованных и переосмысленных либо относящихся к разным периодам русской истории), в результате чего целый ряд былинных мотивов и сцен связывали с позднейшими искажениями героического сюжета.

Представители разных научных школ разделяли взгляды на русский эпос как своего рода «культурный слой», который состоит из разновременных идеологических, жанровых напластований, часто противоречивых (языческих и христианских; мифологических, героико-эпических и сказочных; связанных с творчеством профессиональных дружинных певцов, скоморохов, крестьян, казаков, беглых и т. д.). Между тем результаты аксиологического исследования былинных записей свидетельствуют о наличии не только непротиворечивого смысла эпических сюжетов, имманентного сознанию певца и его традиционной аудитории, но и целостной, непротиворечивой, универсальной системы аксиологических концептов русского эпического сознания.

При аксиологическом анализе былин мы исходили из того, что границы мотива в сюжете заданы, с одной стороны, первичным состоянием ценностного центра героя [Бахтин: 56] и, с другой — его результирующим (как правило, измененным)

состоянием. Изменение оценки у слушателя происходит после того, как сказитель поет о последствиях поступка героя. Мотив обретает функциональный смысл в связи с возможностью певца обеспечить изменение ценностного центра слушателя, сопереживающего герою. В содержательном плане этот смысл тождествен причинно-следственной связи мотивировки героя, его поступков и их последствий. Эта связь осознается певцом как духовный закон и закрепляется в памяти именно через сотнесенность с конкретной ценностью (*антиценностью*), на которую «нацелена» мотивировка героя.

В статье представлены результаты аксиологического анализа былин, включающего: 1) вектор внутреннего конфликта (конкретная слабость, грех, страсть, которая овладевает героем и с которой он борется); 2) действие в душе героя греховного прилога¹; 3) момент пленения грехом; 4) момент преступления; 5) наказание (или преобразование через покаяние) как закономерное следствие мотивировки и поступка. Выявлено, каким образом сказитель показывает действие духовных законов, связывающих мотивацию поступка с его последствием (наказанием героя и покаянием либо гибелью); сформулирован познавательный-этический смысл каждого из мотивов былины. Установлена разность аксиологических координат каждого действия до и после его совершения (в оценке героя и слушателя).

Былины о Дунае Ивановиче и Настасье королевне

Былину «Молодец и королевна» многие эпосоведы считают предысторией отношений Дуная и Настасьи (см., напр.: [Миллер О. Ф.: 350–357], [Пропп: 145–146]); прямые подтверждения тому находим в былинных записях². Композиция каждой из частей диптиха строится по схеме «преступление—наказание»:

1. Слабость или страсть героя: блудная страсть; гордость и превозношение. Чувство Дуная к полянице Настасье — не любовь, а именно страсть, в которой присутствует значительная доля превозношения и хвастовства от осознания того, что он втайне обладает королевной.

Дочь Леховинского короля Настасья является женским двойником Дуная, она охвачена теми же страстями: блудом и превозношением, причем даже в большей степени. Она

гордится тем, что превосходит богатыря в силе, ловкости, умении стрелять из лука; чувство превосходства подкрепляется мыслью о том, что Дунай обязан ей жизнью (за хвостовство герой осужден на казнь, однако одержимая страстью королева спасает Дуная, подменив его на конюха, то есть приказывает убить невинного)³.

2. Прилог. В большинстве вариантов былины «Молодец и королева» слушатель узнает о его связи с королевской дочерью как о свершившемся факте — из хвостовства героя на пиру у короля. В былине «Дунай и Настасья» прилог к блюду происходит в тот момент, когда Настасья настигает Дуная, побеждает его и напоминает о прежних утехах:

«Что же ты, Дунаюшка, не опознал?
А мы в одной дороженьке не езживали,
В одной беседушке не сиживали,
С одной чарочки не кушивали?»⁴.

Настасья будто намекает Дунаю на его прежнее хвостовство, о котором пелось в первой былине («С одново плеча платья поношено, / Королеву за ручку повожено, / С королевной на перинушке полежено»⁵).

Прилог превозношения, хвостовства происходит в тот момент, когда Дунай находится под воздействием хмеля: в начале первой былины — во время службы иноземному королю, а в конце второй былины — на пиру у князя Владимира.

3. Пленение грехом. В одном из вариантов королева бросает на землю кольцо и целует богатыря, улучив момент, когда все наклоняются и начинают искать кольцо на полу. Согласно беломорскому разночтению⁶, сбежав от казни в Киев, Дунай подает князю Владимиру идею свататься к дочери Ляховинского царя — с очевидной целью выступить в роли свата и таким образом снова свидеться с Настасьей.

Уже на обратном пути в Киев герой встречается с возлюбленной и вполне может заключить законный брак с нею, однако, одержимый желанием, он по греховной привычке вступает с ней в связь прежде венчания. Характерно указание певца на пленение воли героя: «...не мог утерпеть тогда доброй молодец»⁷.

4. Момент преступления (блуд). Влюбленные не стремятся вступить в законный брак, но предаются любовным утехам «вкруг ракитова куста» и зачинают в блуде близнецов.

Момент преступления (превозношение, хвастовство). На пиру у Владимира пробуждается давняя страсть героя — хвастовство, желание превозношения и первенства. Герой забывает о том, что прошлый раз хвастовство едва не стоило ему жизни. При этом в словах Дуная прочитывается намек на то, что он использовал князя Владимира для воссоединения с возлюбленной: герой говорит о себе прежде, чем о своем князе.

«На пиру Дунаяшка росхвастался:
“Во всем городе во Киеве
Нет такого молодца на Дуная Ивановича:
Сам себя женил, а друга подарил”»⁸.

5. Наказание. Настасья — орудие, которым казнится герой. Хвастовство Настасьи является закономерной «расплатой» Дуная за его собственное прежнее хвастовство; мотив расплаты за грех героя подчеркивается гибелью во чреве матери детей Дуная и Настасьи, прижитых ими в блуде. Когда Дуная вели на казнь по приказу отца Настасьи, он не смог освободиться собственными силами и прибег к помощи возлюбленной — таким образом, он обязан жизнью Настасье, которая всюду хвастается своим превосходством над мужем. Однако в понимании традиционных слушателей Дунай привез на Русь иноземку, которая не просто превозносится над мужем, но и позорит в его лице все киевское богатырство. Подобно тому, как ранее Настасья не могла удержаться от блуда, теперь она не может удержаться от того, чтобы возвыситься в глазах пирующих за счет унижения супруга.

Действие духовного закона, приводящего к наказанию, заключается в том, что, будучи единодушны в блуде, Дунай и Настасья обречены на единодушие в гордости-превозношении, то есть на вечное соперничество.

Духовные смыслы этой былины — один грех породил другой грех; человек, принимающий гордый помысел, становится жертвой дьявольских страстей. Плод, зачатый в блуде,

вырастает на погибель родителям. Человек, не победивший блудную страсть, не сможет победить превозношение.

Для раскрытия этих смыслов эпический певец использует следующие художественные приемы:

1. Параллелизм («обратный параллелизм») образов и мотивов. Знаменателен момент встречи двух пар у собора в Киеве: князь Владимир и Апраксия выходят из собора после венчания и встречают только что въехавших в город Дуная с Настасьей. Слушатель понимает: в то время, пока князь с невестой были в храме, Дунай с возлюбленной предавались любовным утехам. Логика очевидна: для Настасьи не так важно оказаться в храме и венчаться (одновременно с сестрой), она не просит Дуная подождать до брака, потому что не способна сдержать плотское желание.

Еще одну параллель образуют две «казни»: в первой былине официальная казнь не состоялась благодаря подмене осужденного (Дуная), а во второй — казнь осужденной совершается под видом трагической случайности.

Кроме того, в эпическом сознании, объемлющем весь комплекс былинных сюжетов, образ Настасьи легко связывается с женским образом из другой песни — с Настасьей Микуличной. Тезоименитые поляницы, равно наделенные в девичестве богатырской силой, являются антиподами в духовном плане. Настасья Микулична хранит верность жениху (Добрыне) и до, и после брака; сделавшись законной женой богатыря, она смиряется и отказывается от прежней своей силы. Настасья Королевична, напротив, живет в блуде до брака и после свадьбы претендует на первенство над супругом, она продолжает вести себя как незамужняя богатырка-поляница.

2. Мотив страсти (блуд): кольцо, брошенное королевой на пол, обеспечивает возможность первого страстного поцелуя будущих любовников. Это кольцо возникает в конце былины, в него метят пущенной из лука стрелой.

Мотив страсти (гордость-превозношение) связан с образом чарочки. Образ чаши, из которой пьют жених и невеста, вступая в брак, заменяется в этой былине образом чарочки, из которой «кушают» не связанные узами брака любовники — Дунай и Настасья (о противопоставлении чары и чаши в былинах см.: [Хроленко]). Богатырь и королевна — не ровня

друг другу, и для каждого из них союз становится поводом превознести: Дунай гордится связью с самой королевной; в свою очередь Настасья гордится тем, что не уступает в силе и меткости русскому богатырю. Заметим также, что чарочка неизменно играет роковую роль на пиру: упиваясь, Дунай начинает хвастать.

3. Образ, указывающий на наказание: близнецы в чреве Настасьи. В подавляющем большинстве вариантов младенцев двое, что может указывать на двойной грех родителей (блуд в Леховинском царстве и блуд до брака по дороге в Киев). Находясь в утробе блудной и болезненно гордой матери, «младени» делаются как бы заложниками дьявола, «мешающего» им родиться и состояться в качестве великих богатырей — ведь Дунай убивает Настасью именно из-за ее гордости и хвастовства⁹.

4. Образ, указывающий на путь исправления: Божий замысел состоит в том, чтобы дети Дуная и Настасьи стали великими героями, однако это возможно только в том случае, если мать сможет их выносить — не только физически, но и духовно (понести бремя покаяния, освободиться от страстей). Ей не удастся это сделать; в рассматриваемой былине преступление приводит к гибели.

Мотивация	Поступок	Последствие	Смысл (связь мотивации и последствия)	Тип мотива
Дунай: блудное желание	Блудная связь с королевной	Превозношение	Связь без любви приводит к превозношению	«блудное желание — превозношение». Последовательное расположение мотивов по принципу «нагнетания» страсти (первая фаза)

Дунай: превозношение	Публичное унижение возлюбленной (хвастовство о связи с королевой)	Угроза гибели	Связь ради удовлетворения превозношения гибельна	«превозношение — гибель». Переход от одной страсти (блуд) к другой (гордость — превозношение)
Настасья: блудное желание	Спасение Дуная от казни	Превозношение над Дунаем	Спасение человека не из сострадания, но ради блудной связи приводит к превозношению	«блудное желание — превозношение». Первая фаза «нагнетания» страстей
Настасья: превозношение	Публичное унижение мужа (хвастовство о превосходстве над ним)	Гибель	Брак ради удовлетворения гордости приводит к гибели	«превозношение — гибель». Переход от одной страсти к другой

В целом можно согласиться с Д. М. Балашовым в том, что в былине о Дунае в центре внимания певца и слушателя находится не подвиг, понимаемый как действие физической силы героя, но «истинно трагическая» духовная коллизия [Балашов: 105]. В этой былине мы видим две пары параллельных мотивов одного типа, причем для каждого героя первый мотив показывает развитие страсти от блуда к превозношению, а второй — преступление и наказание героя. Былине чуждо прямое морализаторство, вместо этого эпический певец показывает универсальное действие духовных законов, которые имеют силу в отношении и русского богатыря,

и леховинской поляницы, несмотря на то, что мотивации и поступки двух любовников разные. Логика действия духовного закона определяет смысл каждого мотива. Можно предположить, что старины про Дуная и Настасью следовало петь перед людьми, склонными к блуду и гордости (превозношению), а также к пьянству, хвастовству, жажде первенства; в целевую аудиторию могли входить склонные к семейному насилию мужья и своевольные жены, отказывавшиеся «убояться мужа своего» (Еф. 5:33).

Оценка слушателем поступков героя изменяется, как можно видеть, следующим образом: симпатизируя Дуною, слушатель поначалу высоко оценивает то, что богатырь вступил в связь с самой королевной. Даже в момент, когда герой хвастается, ценность этой связи не снижается, несмотря на то, что богатырь бесчестит девушку (это, возможно, воспринимается как своего рода «лихость»). Когда героя ведут на казнь, симпатия слушателя достигает пика, ценность блудной страсти приравнивается к ценности самой жизни. Когда королевна спасает Дуная и тому удается бежать, в сознании слушателя утверждается ценность страстной любви. Старина заканчивается, слушатель видит, что никаких негативных последствий для героя не наступило. Прозрение ожидает слушателя, когда он открывает для себя вторую былинку и видит, что блуд и превозношение приводят возлюбленных к катастрофе. Резкое снижение «ценности» блудной страсти как мотивирующего концепта производит воздействие на слушателя, корректируя его собственный ценностный центр, момент максимального психологического напряжения здесь — гибель младенцев в утробе Настасьи.

Таким образом, в функциональном плане каждая былина по отдельности бессмысленна: первая часть, изображающая юных любовников, избегающих казни, не содержит демонстрации действия духовных законов и без второй части может восприниматься как произведение, созданное с целью лишь заинтересовать слушателя. Вторая часть, в отрыве от первой, превращается в жестокую бессмыслицу. Смысл мотивной структуры можно понять только тогда, когда мы читаем первую песню как своего рода психологическую приманку

для слушателя (она поется с целью накрепко «привязать» слушателя к герою, заставить симпатизировать ему всей душой).

Похожую двухчастную структуру имеют сюжеты о Садке («Садко богатый» — фаза симпатии, «Садков корабль на море стал» — фаза переоценки), о Василии Буслаеве («Василий и новгородцы» — фаза симпатии, «Василий Буслаев молиться ездил» — фаза переоценки), а также, возможно, сюжет о Волхе Всеславиче (до нас дошла только первая часть).

Былины о Михайле Потыке

В этих песнях исследователи усматривают немало архаических смыслов (добывание невесты в «ином мире», дохристианские обряды погребения и др.), якобы полустертых и недоступных ни для крестьянской аудитории, ни для ее певцов. На наш взгляд, и сказителю, и слушателям был очевиден духовный смысл этой песни, выявляемый в ходе аксиологического анализа: пленение страстью, приводящее Михайлу к преступлению, затем — наказание за грех и покаяние героя.

1. Слабость или страсть, вызывающая симпатию слушателей: страсть к вину и блудная страсть. Герой «топит свои силы в вине» [Стоюнин: 431], его воля подавлена этой страстью, и, когда возникает новый соблазн — прекрасная королевна-колдунья, Михайло мгновенно делается рабом мощнейшей страсти, омрачающей разум. Физическая близость с красавицей становится единственной целью героя, ради которой он забывает об исполнении богатырской миссии: ему приходится лгать князю Владимиру, даже заключить с невестой «заповедь великую» — в нарушение канонов православной веры и вопреки предостережению побратимов. Эта же страсть толкает Михайлу на поиски неверной жены, которая трижды пытается погубить героя, используя его тягу к вину и плотским утехам.

2. Прилог к блюду происходит в тот момент, когда Михайло впервые видит Авдотью (Марью) Лебедь Белую. Задача красавицы состоит именно в том, чтобы показаться герою на глаза, соблазнить, погубить и тем самым отвести беду, нависшую над ее отцом, царем Подольским.

Борьба со страстью в душе героя прямо не показана. Однако на нее указывают троекратные попытки его друзей

и заступников спасти богатыря от чар коварной жены. Подобно тому, как Ангел-хранитель воздействует на душу человека посредством добрых помыслов, богатыри-побратимы и эпический Никола пытаются вразумить героя. Мудрые советы Ильи Муромца не вразумляют Потыка. Михайло полностью поработен грехом и не пытается освободиться, он не обращается к Богу с молитвой о покаянии и таким образом беззащитен перед естественным очарованием и приворотной магией королевны.

3. Пленение грехом в этой былине показано с психологической точностью: одержимый страстью к королевне, герой полностью сосредоточен на задаче увезти ее в Киев — настолько, что забывает о дани, которую по поручению князя он должен получить от царя Подолянского. В дальнейшем грех полностью руководит мыслями и действиями персонажа.

4. Момент преступления. Герой отказывается от «работы богатырской» — это редкий случай в былинном мире. Преступление Потыка тем более серьезно, что роковое золото (дань Подолянского короля) срочно нужно киевскому князю для того, чтобы выкупить из неволи русских богатырей, которых Владимир проиграл в «карты-шахматы» своему тестю королю Леховинскому. Получается, что Потык, думая исключительно о желанной королевне, проявляет бессердечие и черствость по отношению не только к «ласковому князю», но и к проданным на чужбину побратимам.

Кроме того, герой нарушает договор с побратимами (Ильей и Добрыней) о том, что любую добычу, приобретенную в походе помимо княжьего золота, богатыри разделят на троих. Единственной добычей Потыка является красавица Лебедь, поэтому Илья Муромец предлагает разделить ее на три части при помощи сабли, чему Михайло, конечно, противится, тем самым нарушая уговор. На первый взгляд, преступление не так велико — но между тем действие Потыка оценивается эпическим сознанием однозначно: это «не честь-хвала богатырская».

Михайло не только проваливает миссию, но и лжет собственному князю (для сравнения: в подобной ситуации не исполнивший княжьего повеления богатырь Сухман

предпочел покончить с собой). Когда Владимир спрашивает, отчего Потык вернулся в Киев без дани, герою приходится выдумать объяснение про телеги с переломившимися осями, увязшие в «грязях великих». Теперь Потык должен возвратиться к царю Подолянскому и добыть золото повторно — однако богатырь уже сделался его зятем и не может требовать выплаты. Он вынужден поставить свою голову на кон в игре с царем.

Выиграв дань (а заодно и царство Подолянское), герой получает возможность исправиться и наконец доставить золото князю Владимиру, однако Лебедь Белая спешно имитирует свою смерть, и Михайло устремляется в Киев, чтобы лечь с ней, согласно принятой заповеди, в одну могилу. Таким образом, Потык повторно забывает о своем долге перед князем Владимиром и обрекает на подневольную службу богатырей-побратимов.

Действие духовного закона по принципу «преступление—наказание» в рассматриваемом случае следующее. В былинном мире только сердечное сострадание и жалость, пробуждаясь в душе русских эпических героев, придают им чудесные силы. Утрачивая любовь-жалость к томящимся на чужбине богатырям, Потык убивает в себе героя и делается вовсе бессильным (в частности, он терпит поражение в поединке с собственной женой, переодетой витязем).

5. Наказание. Потык именно зачарован, но при этом лишен внутренних духовных сил, он уничтожен как богатырь и обречен на унижения от собственной неверной жены. Вновь и вновь он будет являться к ней, привлекаемый чарами, — только для того, чтобы быть ею обманутым, плененным, заколдованным, запечатанным в камень, пригвожденным к стене.

До встречи с Лебедью у Потыка, помимо богатырского сердца, способного сострадать даже «подколодной змее», было и другое героическое качество — верность данному слову. Как отмечал В. Стоюнин, даже после мнимой смерти жены герой «нисколько не задумывается точно выполнить данное ей обещание, как условие их брака» и решает быть заживо погребенным с мертвым телом супруги [Стоюнин: 432]. Первое качество (сострадание) полностью подавлено в его душе, но вторым (верностью данному слову) пользуется его жена-колдунья,

однако именно эта последняя черта оказывается спасительной для персонажа. Когда дочь царя Вахромея обнаруживает его пригвожденным к стене и, будучи влюбленной в Михайлу, требует от него обещания жениться на ней, герой с радостью дает ей такое обещание. Впрочем, чары бывшей жены настолько сильны, что при очередной встрече Михайло едва не забывает о данном слове, — и снова, уже в четвертый раз, принимает от Лебеди чару с колдовским напитком. К счастью, видимый знак предательства (следы от гвоздей на собственных ладонях или, согласно другому разночтению, пламя, возгоревшееся из капли пролитого напитка) напоминает Михайле о том, что он обещал жениться на дочери Вахромея. Последнее, что осталось в душе Михайлы от прежнего богатыря — верность данному слову; эта сила вступает в борьбу с блудной страстью и побеждает.

Духовные смыслы этой былины состоят в том, что страсть к вину прокладывает в душу человека дорогу для плотской страсти, помрачающей ум и очерствяющей душу, которая не может освятиться даже в браке; христианский брак будет искажен. Страстная всепоглощающая плотская «любовь» — ложная ценность, обман, окрадывающий человека и уводящий его от Божьего предназначения, от общественной миссии; человек, охваченный блудной страстью, утрачивает способность сострадать и любить. Верность слову, упорство в исполнении завета могут вести человека к ложной цели, но они же укрепляют его в случае покаяния. Жалость и благородство по отношению к врагу могут сделать врага другом; мир не делится по принципу «свой» — «чужой»: возлюбленная может стать врагом, а дочь врага — верной супругой.

Для раскрытия этих смыслов эпический певец использует следующие художественные приемы:

1. Параллелизм («обратный параллелизм»): пара страстных любовников, гибнущих в конце былины (Лебедь и Вахромей) противопоставлена паре будущих счастливых супругов (Михайло Потык и Марья Вахромеевна, причем в некоторых вариантах прямо указывается, что Марья всю жизнь молит Бога о том, чтобы выйти за русского богатыря).

Страсть, пробужденная Лебедью в сердце Михайлы, мешает счастью обеих пар, она становится наказанием не только

для Михайлы, но и для самой Лебеди. Лебедь кажется олицетворением измены и предательства, однако она парадоксальным образом «верна» своему любовнику Вахромею (как можно догадываться, они могли быть знакомы еще прежде появления Михайлы в Подолянском царстве). Заметим, что Лебедь очаровывает Потыка и выходит за него только для того, чтобы спасти отца; королева рассчитывает поскорее свести русского богатыря в могилу, чтобы затем ничто не мешало ее счастью с «суженым» — царем Вахромеем.

От страстной привязанности Потыка страдает сама Лебедь: она пытается известить бывшего мужа, но тот «воскресает» снова и снова, настигая ее в самый неподходящий момент. Расчет на быструю гибель горе-супруга не оправдался: русского богатыря не так легко свести в могилу. На первый взгляд, всем было бы лучше, если бы Михайло прекратил преследование беглянки-жены (именно такой совет дает Потыку Илья Муромец), однако только верность героя по отношению к коварной Лебеди способна освободить персонажа от ее чар: следуя за Лебедью, русский богатырь приближается к своей суженой — Марье Вахромеевне. Верность слову, данному изменщице, лишь на первый взгляд ведет героя к гибели. В действительности готовность сдерживать обещания способна освободить Михайлу от рабской страсти для новой любви, которая ждет богатыря в царстве его врага и соперника.

Другая пара образов — это «змея подколодная», чьих детенышей Потык спас от гибели во время лесного пожара, и Марья Вахромеевна. Змея является богатырю на помощь и «пролизывает» замки, которыми Лебедь приковала мужа к дереву. Эта змея — «предтеча» Марьи, будущей жены богатыря. И змея, и Марья — представительницы «инога мира», «чужие». Однако любовь-жалость, проявленная Потыком по отношению к змее, с точки зрения высшей логики обеспечивает ему право на любовь, которую в будущем проявит к нему дочь врага Марья Вахромеевна.

Обратный параллелизм прочитывается и в логике превращений: «змея подколодная» превращается в человека («чужая», подобная змее, иноземная королева превращается в любимую

невесту), и наоборот: жена Потыка под землей превращается в змею, чтобы наброситься на героя.

2. Мотив страсти (блуд и пьянство): образ чаши, которую жена-колдунья предлагает Потыку всякий раз, когда он настигает ее и видит в шатре с любовником. Заколдованный Потык не в силах преодолеть соблазн и пьет из этой чаши снова и снова, после чего становится жертвой Лебеди. Даже после того, как герой оказывается прикованным к стене и получает удар молотом в лицо от бывшей жены, он не в силах противостоять притяжению хмельного напитка.

3. Образ, связанный с будущим наказанием и указывающий на «цену» преступления: «бел-горюч камень». На этом камне три богатыря условились поделить добычу. Единственной «добычей» Потыка является возлюбленная королева. Отказываясь разрубить Лебедь на части, Михайло приговаривает сам себя вернуться к тому же камню, только на этот раз движется не из Подоляни в Киев, а в обратном направлении, преследуя сбежавшую жену. Опоив Потыка, Лебедь запечатывает его внутри камня, где богатырь пребывает в беспмятстве несколько лет, пока его по всей земле разыскивают побратимы. Такая казнь напоминает слушателю о преступлении Михайлы: отказавшись от миссии, он приговорил нескольких русских богатырей к подневольной службе на чужбине. Теперь в плену оказывается сам Потык, причем заточение героя внутри камня есть предельное выражение мысли о душе, находящейся в плену страсти.

4. Образ, связанный с покаянием, «искуплением» греха. Чтобы освободить Михайлу, нужна помощь «старичка» Николы, по совету которого Илья и Добрыня выступают в роли нищих паломников и добираются до столицы Подолянского царства, где и обнаруживают беглянку Лебедь. На первый взгляд, путешествие Николы и богатырей лишено смысла: они являются ко дворцу Подолянского царя, громогласно просят подаяния и возвращаются на Русь. Однако принятие странниками на себя смиренного образа нищего — это духовная «работа», которую побратимы выполняют «за» Потыка для того, чтобы добиться его прощения свыше. Сбранную милостыню Никола делит с богатырями на том самом камне, внутри которого томится Потык. Илья и Добрыня

выплачивают за Потыка цену роковой «добычи», которую он в свое время отказался поделить по уговору.

Мотивация	Поступок	Последствие	Смысл (связь мотивации и последствия)	Тип мотива
Страсть к вину	Пьянство	Блудная страсть	Страсть к вину прокладывает в душу человека дорогу для плотской страсти	«страсть к вину — блудная страсть». Последовательное расположение мотивов по принципу «нагнетания» страсти (первая фаза)
Блудная страсть	Принятие «заповеди великой»	Отказ от богатырской миссии, добровольное пленение	Блудная страсть, помрачающая ум и очерствяляющая душу, не может освятиться даже в браке; христианский брак будет искажен ей	«блуд — не-свобода». Переход от одной страсти (вино) к другой (блуд)

Блудная страсть	Отказ от миссии сострадания (Потык забывает про дань, необходимую для избавления пленных богатырей)	Утрата силы	Человек, охваченный блудной страстью, утрачивает способность сострадать, любить и приходить на помощь; блуд лишает силы, смелости	«блуд — утрата силы»
Трусость	Ложь князю	Утрата чести-хвалы богатырской, неверность	Блудная страсть обкрадывает человека, лишает его призвания, чести	«трусость — неверность» (утрата богатырства)
Честь (защита «честной» богатырской заповеди)	Восстановление собственной богатырской чести (исполнение «заповеди великой»)	Получение силы	Верность слову может вести человека к ложной цели, но эта черта исцеляет от трусости и возвращает силу	«честь (ревнование о богатырском слове) — возвращение силы»
Страсть к вину	Пьянство (принимает чару от Лебеди в шатре)	Блудная страсть	Страсть к вину разжигает плотскую страсть	«страсть к вину — блудная страсть»

Блудная страсть	Герой повторно оставляет миссию сострадания (пленным богатырям) ради поиска Лебеди	Утрата силы (герой терпит поражение в поединке от Лебеди)	Человек, охваченный блудной страстью, вновь утрачивает способность сострадать, любить и приходить на помощь	«блуд — утрата силы», является парным по отношению к мотиву «Потык забывает о миссии ради Лебеди»
Блудная страсть	Блуд	Утрата свободы (герой прикован, запечатан в камень, пригвожден)	Блудная страсть делает человека рабом и пленником	«блуд — несвобода», парный по отношению к мотиву «Потык принимает заповедь»
Жалость, сострадание	Побратимы готовы просить милостыню ради спасения Потыка	Потык освобожден от чар	Жалость, сострадание избавляет из плена	«сострадание — свобода»
Жалость, сострадание	Дочь Вахромея спасает героя	Потык спасен от гибели	Жалость, сострадание избавляет от гибели	«сострадание — спасение от гибели»
Честь (защита «честной» богатырской заповеди)	Исполнение обещания, данного дочери Вахромея	Получение силы	Верность слову возвращает силу	«честь (ревнование о богатырском слове) — возвращение силы»

Сюжет имеет двухчастное строение, во второй части повторяются (как бы на новом уровне, с новым эстетическим напряжением) мотивы из первой части (сначала — «страсть к вину — блудная страсть», затем — «блуд — несвобода», «блуд — гибель», «честь — возвращение силы»). Таким образом, сюжет строится на основе двух мотивных комплексов — до и после освобождения Потыка из могилы. Выбравшись из-под земли, герой как бы рождается заново — но, находясь по-прежнему в плену страсти, Потык, как заколдованный, проходит знакомый слушателю путь, приведший его в могилу в конце предыдущего цикла.

Две части сюжета отличаются прежде всего модальностью оценки слушателя: в первой части слушатель симпатизирует герою, его всепобеждающей страсти, заставляющей идти в могилу, а Лебедь воспринимается как положительный персонаж. Во второй части происходит разоблачение коварной красавицы, мотивы нанизываются по той же схеме, что и в первой части, но теперь мы отнюдь не симпатизируем Потыку и, наконец, догадываемся о колдовской природе его страсти. Снова «фаза симпатии», когда оценки слушателя совпадают с оценками героя, сменяется «фазой переоценки», когда ценностный центр слушателя сближается с ценностным центром автора. Можно предположить, что старины про Потыка полагалось петь для людей порывистых и непокорных, склонных к блудной страсти, а также к пьянству (сказитель Ф. А. Конашков, по свидетельству А. М. Линевского, пел их не детям и не старикам, но людям «женатым и замужним» [Линевский: 20]).

В результате аксиологического анализа былин становится очевидным духовный смысл каждого из выявленных мотивов, а также наличие стройной композиционной схемы «нанизывания» мотивов (последовательное расположение по принципу «нагнетания» страсти, параллелизм, обратный параллелизм).

С учетом этих наблюдений распространенное в среде эповедов представление [Буслаев, 1887: 127], [Миллер В. Ф.: VI–VII], [Скафтымов: 36], [Никифоров: 240], [Плисецкий: 8], [Аникин, 1983: 12, 42], [Юдин: 3], [Левинтон: 166] о «бессмыс-

ленности» былин, о противоречивости одновременных смыслов русского эпоса, о «порче» его содержания за время бытования в той или иной среде (крестьянской, скоморошьей, каличьей, казачьей и др.), об «инородности» якобы позднейших христианских концептов и идеологем (см., напр.: [Аникин, 1980: 263–264, 284], [Неклюдов: 148–149]) в свете аксиологического подхода представляется ложным.

Один из первооткрывателей русского эпоса А. Ф. Гильфердинг писал: «Когда слушаешь наших народных рапсодов, — прежде всего дивишься тому, до какой степени все они, все без исключения, верно выдерживают характеры действующих в былинах лиц». Это наблюдение побудило исследователя предположить, что «в сохранении и преемственной передаче былин, кроме механического действия памяти, должно участвовать какое-то коллективное, если можно так выразиться, поэтическое чутье в народе» [Гильфердинг: XII].

Это «чутье», по нашему убеждению, обеспечивалось знанием духовного «подтекста» эпоса, в соответствии с которым былинные мотивы обладают функциональным смыслом, связанным с задачами духовного развития слушателя и, в частности, своего рода терапии его духовно-психологических проблем. Характер героя запоминался сказителями как проблемный «код» личности (индивидуальный набор слабостей и дарований). Это было залогом эффективного акта эпической коммуникации, в ходе которой певцу следовало ощутить «дух» слушателя и подобрать подходящего по «духу» героя, вызывающего симпатию и сопереживание.

Задача певца на начальном этапе исполнения состояла в том, чтобы связать ценностный центр слушателя с ценностным центром героя — при помощи греховной симпатии, «единострастия» или подобострастия (греч. μοιοπάθεια), «сходства по подверженности страстям»¹⁰. Заметим, что каждый герой былины по-своему симпатичен — даже те, кто совершают неоднозначные с точки зрения христианской этики поступки (Дунай, Волх Всеславович, Василий Буслаев) и вызывают осуждение других богатырей (Алеша, Чурила). Такого рода симпатия возникает не потому, что герой положительный, а потому, что у него есть слабость, страсть,

понятное (и знакомое) слушателю несовершенство. Вызвав симпатию к страстной натуре героя на первом этапе исполнения, певец «раскрывал глаза» слушателю на трагические последствия страсти. Если это удавалось и у слушателя в начале возникало ощущение близости собственного ценностного центра и ценностного центра эпического героя, то коррекция последнего в результате функционального действия былинного мотива могла привести к аналогичной коррекции ценностного центра слушателя.

Примечания

- ¹ О прилоге см.: Иоанн Лествичник, прп. Лествица, или Скрижали духовные. М.: Белый город, 2016. Ступень 15. С. 116–135; Петр Дамаскин. О различении помыслов и прилогов // Творения Преподобного и Богоносного отца нашего священномученика Петра Дамаскина: в 2 кн. Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 1905. Кн. 2. С. 217–222; Святитель Феофан Затворник. Начертание христианского нравоучения. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 105–106; о теории прилога в русской литературе см.: [Ужанков].
- ² См., напр.: Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи) / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 109.
- ³ См.: Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. СПб.: Тропа Троянова, 2003. Т. 2. Ч. 3: Кулой. С. 108.
- ⁴ [Гильфердинг А. Ф.] Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873. Т. 1. Былина 94. Стб. 565.
- ⁵ Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 213.
- ⁶ Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 523–524, стихи 124–147.
- ⁷ Былины: в 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры. С. 538.
- ⁸ [Гильфердинг А. Ф.] Онежские былины... Т. 1. Былина 94. Стб. 566.
- ⁹ Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. С. 75.
- ¹⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1902. Т. 2: Л–П. Стб. 1040.

Список литературы

1. Азбелев С. Н. Добрыня-сват // Русская речь. — 1989. — № 1. — С. 116–123.
2. Аникин В. П. Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. — М.: Изд-во МГУ, 1980. — 332 с.

3. Аникин В. П. Русское народное поэтическое творчество. — Л.: Просвещение, 1983. — 416 с.
4. Балашов Д. М. «Дунай» // Русский фольклор. — Л.: Наука, 1976. — Т. XVI. — С. 95–114.
5. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. — М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. — Т. 6. — 799 с.
6. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. — СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова, 1861. — Т. 1: Русская народная поэзия. — 643 с.
7. Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. — СПб.: Имп. Акад. наук, 1887. — 501 с.
8. Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос // Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос. Русский народный эпос. — Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. — С. 7–184.
9. Веселовский А. Н. Киев-град Днепра // Журнал Министерства народного просвещения. — СПб.: Имп. Акад. наук, 1887. — Апрель. — С. 294–301.
10. [Гильфердинг А. Ф.] Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. — СПб.: [Тип. Акад. наук], 1873. — Т. 1. — LVI с., 1336 стб.
11. Еремина В. И. Обряд соумирания в фольклорной и литературной традиции // Русский фольклор. — Л.: Наука, 1989. — Т. 25. — С. 71–85.
12. Жирмунский В. М. Народный героический эпос: сравнительно-исторические очерки. — М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1962. — 435 с.
13. Левинтон Г. А. К проблеме эпического подтекста // Фольклор и этнографическая действительность. — СПб.: Наука, 1992. — С. 162–168.
14. Линевский А. М. Ф. А. Конашков // Сказитель Ф. А. Конашков / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А. М. Линевского; под ред. А. М. Астаховой. — Петрозаводск: Госиздат КФСР, 1948. — С. 13–67.
15. Лобода А. М. Русские былины о сватовстве. — Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1904. — 297 с.
16. Мачинский Д. А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. — Л.: Наука, 1981. — С. 110–171.
17. Миллер В. Ф. Экскурсы в область русского эпоса. I–VIII. — М.: Тип. т-ва «И. Н. Кушнерев и К°»; Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1892. — XII, 232, [2], 69 с.
18. Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство киевское. Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса Ореста Миллера. — СПб.: Тип. Н. И. Михайлова, 1869. — 895 с.
19. Неклюдов С. Ю. Чудо в былинной поэме // Труды по знаковым системам. — Тарту, 1969. — Вып. 4. — С. 146–158.
20. Никифоров А. И. Фольклор Киевского периода // История русской литературы: в 10 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — Т. 1: Литература XI — начала XIII века. — С. 216–256.

21. Новичкова Т. А. Эпическое сватовство и свадебный обряд // Русский фольклор. — Л.: Наука, 1987. — Т. 24. — С. 3–20.
22. Плисецкий М. М. Историзм русских былин. — М.: Высшая школа, 1962. — 240 с.
23. Пропп В. Я. Русский героический эпос. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. — 599 с.
24. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. — СПб.: Наука, 1994. — 238 с.
25. Путилов Б. Н. Древняя Русь в лицах: Боги, герои, люди. — СПб.: Азбука, 1999. — 367 с.
26. Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания — Былины — Летописи. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 361 с.
27. Скафтымов П. А. Поэтика и генезис былин: очерки. — М.; Саратов: В. З. Яксанов, 1924. — IV, 226 с.
28. Смолицкий В. Г. Былина о Дунае // Славянский фольклор и историческая действительность. — М.: Наука, 1965. — С. 109–131.
29. Соколов Б. М. Эпические сказания о женитьбе князя Владимира. (Германо-русские отношения в области эпоса) // Ученые записки Государственного Саратовского им. Н. Г. Чернышевского университета. — Саратов, 1923. — Т. 1. — Вып. 3: Словесно-историческое отделение педагогического факультета. — С. 69–122.
30. Стасов В. В. Происхождение русских былин. Часть вторая // Вестник Европы. — СПб., 1868. — Т. I. — Кн. 2. — С. 637–708.
31. Стоюнин В. Я. О преподавании русской литературы. — СПб.: Типолит. и фотот. П. И. Бабкина, 1898. — 454 с.
32. Ужанков А. Н. Учение о прилоге как духовная основа художественного образа Анны Карениной // Новый филологический вестник. — 2017. — № 2 (41). — С. 89–100.
33. Фроянов И. Я. Драма древней семьи в русской былевой поэзии // Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Былинная история: работы разных лет. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1997. — С. 283–392.
34. Халанский М. Г. Великорусские былины Киевского цикла. — Варшава: В тип. М. Земкевича, 1885. — 236 с.
35. Халанский М. Г. Южнославянские сказания о кравеиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса: сравнительные наблюдения в области героического эпоса южных славян и русского народа: в 4 т. — Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1895. — Т. 3.
36. Хроленко А. Т. Эпическая картина мира и семантическая структура фольклорного слова // Семантика языковых единиц: докл. 4-й междунар. науч. конф. — М.: Альфа, 1994. — Ч. 1.: Памяти А. Ф. Лосева; Лексическая семантика. — С. 143–146.
37. Черняева Н. Г. Примечания // Русские эпические песни Карелии: [сборник / сост. Н. Г. Черняева; ред. Б. Н. Путилов]. — Петрозаводск: Карелия, 1981. — С. 261–289.
38. Юдин Ю. И. Героические былины (Поэтическое искусство). — М.: Наука, 1975. — 120 с.

Arseny S. Mironov

*Moscow State Institute of Culture
(Khimki, Moscow region, Russian*

Federation)

arsenymir@yandex.ru

An Axiological Analysis of the Bylinas About Dunay and Potyk

Abstract. Based on an axiological analysis of the bylinas about Dunay Ivanovich and Mikhailo Potyk, the article reveals a number of epic motifs which are interpreted as a semantic unity of the hero's motivation, his deed, and its consequences. The article brings to light how the epic singer renders the spiritual laws connecting the motivation for a certain act with its consequences (i.e., the hero's punishment and his subsequent penance or perdition); and formulates cognitive ethical meanings belonging to each of the bylina's motifs. For each motif, the author identifies the following components: the hero's particular moral weakness or passion which captures him, evoking thus sympathy — or the so-called “compassion” — in the listeners; the moment when the hero is overcome by his sin; the moment of the crime; and the punishment as a natural consequence of the hero's deeds. Also, the difference between axiological coordinates of every act — before and after its commission, in the evaluation of either the hero or the listener — is determined in the present paper. The motifs of the mentioned bylinas are classified here on the basis of their type and their involvement into parallel structures with similar motifs, or by the presence — or absence — of their antithetical counterparts. The result of the present study is a denial of the widespread theory according to which Russian bylinas should be described as “meaningless”, as having controversial diachronous semantics, as damaged — in terms of the content — during their existence in this or that social milieu (peasant, skomorokh, minstrel or Cossack one), as presupposing allegedly “extraneous” and “recent” Christian concepts and ideologemes.

Keywords: folklore, axiology, heroic epics, bylinas, epic motif, Dunay, Potyk

About the author: *Mironov Arseny S.* — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Folk Art Culture, Moscow State Institute of Culture (ul. Bibliotechnaya 7, Khimki, Moscow region, 141406, Russian Federation)

Received: February 23, 2020

Date of publication: July 7, 2020

For citation: Mironov A. S. An Axiological Analysis of the Bylinas About Dunay and Potyk. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 3, pp. 20–46. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7603 (In Russ.)

References

1. Azbelev S. N. Dobrynya-Matchmaker. In: *Russkaya rech'*, 1989, no. 1, pp. 116–123. (In Russ.)
2. Anikin V. P. *Teoriya fol'klornoy traditsii i ee znachenie dlya istoricheskogo issledovaniya bylin* [The Theory of Folk Tradition and Its Significance for the Historical Study of Bylinas]. Moscow, Moscow State University Publ., 1980. 332 p. (In Russ.)
3. Anikin V. P. *Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo* [Russian Folk Poetry]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1983. 416 p. (In Russ.)
4. Balashov D. M. “Dunay”. In: *Russkiy fol'klor* [Russian Folklore]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, vol. 16, pp. 95–114. (In Russ.)
5. Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's Poetics. In: *Bakhtin M. M. Sobranie sochineniy: v 7 tomakh* [Bakhtin M. M. Collected Works: in 7 Vols]. Moscow, Russkie slovari Publ., Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002, vol. 6. 799 p. (In Russ.)
6. Buslaev F. I. *Istoricheskie ocherki russkoy narodnoy slovesnosti i iskusstva* [Historical Essays of Russian Folk Literature and Art]. St. Petersburg, Izdanie D. E. Kozhanchikova Publ., 1861, vol. 1. 643 p. (In Russ.)
7. Buslaev F. I. *Narodnaya poeziya. Istoricheskie ocherki* [Folk Poetry. Historical Essays]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1887. 501 p. (In Russ.)
8. Buslaev F. I. Russian Heroic Epos. In: *Buslaev F. I. Russkiy bogatyrskiy epos. Russkiy narodnyy epos* [Buslaev F. I. Russian Heroic Epos. Russian Folk Epos]. Voronezh, Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1987, pp. 7–184. (In Russ.)
9. Veselovskiy A. N. The City of Kiev on Dnepr. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1887. April, pp. 294–301. (In Russ.)
10. Gilferding A. F. *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda* [Onega Bylinas Recorded by Alexander Fyodorovich Hilferding in the Summer of 1871]. St. Petersburg, Tipografiya Akademii nauk Publ., 1873, vol. 1. 56 p., 1336 columns. (In Russ.)
11. Eremina V. I. The Rite of Co-Dying in Folklore and Literary Tradition. In: *Russkiy fol'klor* [Russian Folklore]. Leningrad, Nauka Publ., 1989, vol. 25, pp. 71–85. (In Russ.)
12. Zhirmunskiy V. M. *Narodnyy geroicheskiy epos: sravnitel'no-istoricheskie ocherki* [Folk Heroic Epos: Comparative Historical Essays]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1962. 435 p. (In Russ.)
13. Levinton G. A. On the Problem of Epic Subtext. In: *Fol'klor i etnograficheskaya deystvitel'nost'* [Folklore and Ethnographic Reality]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, pp. 162–168. (In Russ.)
14. Linevskiy A. M. F. A. Konashkov. In: *Skazitel' F. A. Konashkov* [Narrator F. A. Konashkov]. Petrozavodsk, Gosizdat KFSSR Publ., 1948, pp. 13–67. (In Russ.)

15. Loboda A. M. *Russkie byliny o svatovstve* [Russian Bylinas About Matchmaking]. Kiev, Tipografiya Imperatorskogo Universiteta sv. Vladimira Publ., 1904. 297 p. (In Russ.)
16. Machinskiy D. A. “Dunay” of Russian Folklore Against the Background of East Slavic History and Mythology. In: *Russkiy Sever. Problemy etnografii i fol'klora* [Russian North. Problems of Ethnography and Folklore]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 110–171. (In Russ.)
17. Miller V. F. *Ekskursy v oblast' russkogo eposa. I–VIII* [The Insight to the Russian Epic Domain. 1–8]. Moscow, Tipografiya Tovarishchestva I. N. Kushnerev i K'; Tovarishchestvo skoropechatni A. A. Levenson Publ., 1892. 232 p. (In Russ.)
18. Miller O. F. *Il'ya Muromets i bogatyrstvo kievskoe. Sravnitel'no-kriticheskie nablyudeniya nad sloevym sostavom narodnogo russkogo eposa Oresta Millera* [Ilya Muromets and the Knights of Kiev. Comparative Critical Observations of the Layered Composition of the National Russian Epos by Orest Miller]. St. Petersburg, Tipografiya N. I. Mikhaylova Publ., 1869. 895 p. (In Russ.)
19. Neklyudov S. Yu. A Miracles in Bylinas. In: *Trudy po znakovym sistemam* [Sign Systems Studies]. Tartu, 1969, issue 4, pp. 146–158. (In Russ.)
20. Nikiforov A. I. Folklore of the Kiev Period. In: *Istoriya russkoy literatury: v 10 tomakh* [History of Russian Literature: in 10 Vols]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1941, vol. 1, pp. 216–256. (In Russ.)
21. Novichkova T. A. Epic Matchmaking and the Rite of Marriage. In: *Russkiy fol'klor* [Russian Folklore]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, vol. 24, pp. 3–20. (In Russ.)
22. Plisetskiy M. M. *Istorizm russkikh bylin* [The Historical Dimension of Russian Bylinas]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1962. 240 p. (In Russ.)
23. Propp V. Ya. *Russkiy geroicheskiy epos* [Russian Heroic Epos]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1958. 599 p. (In Russ.)
24. Putilov B. N. *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and Folk Culture]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 238 p. (In Russ.)
25. Putilov B. N. *Drevnyaya Rus' v litsakh: Bogi, geroi, lyudi* [Ancient Russia in Its Personages: Gods, Heroes, People]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 1999. 367 p. (In Russ.)
26. Rybakov B. A. *Drevnyaya Rus': Skazaniya — Byliny — Letopisi* [Ancient Russia: Tales — Bylinas — Chronicles]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963. 361 p. (In Russ.)
27. Skaftymov P. A. *Poetika i genezis bylin: ocherki* [The Poetics and Genesis of Bylinas: Essays]. Moscow, Saratov, V. Z. Yaksanov Publ., 1924. 226 p. (In Russ.)
28. Smolitskiy V. G. The Bylina About Dunay. In: *Slavyanskiy fol'klor i istoricheskaya deystvitel'nost'* [Slavic Folklore and Historical Reality]. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 109–131. (In Russ.)
29. Sokolov B. M. Epic Tales of the Marriage of Prince Vladimir. (German-Russian Relations in the Epic Area). In: *Uchenye zapiski Gosudarstvennogo Saratovskogo im. N. G. Chernyshevskogo universiteta* [Proceedings of the

- Chernyshevsky Saratov State University*]. Saratov, 1923, vol. 1, issue 3, pp. 69–122. (In Russ.)
30. Stasov V. V. The Origins of Russian Bylinas. Part Two. In: *Vestnik Evropy*. St. Petersburg, 1868, vol. 1, book 2, pp. 637–708. (In Russ.)
31. Stoyunin V. Ya. *O prepodavanii russkoy literatury* [About the Teaching of Russian Literature]. St. Petersburg, Tipografiya i Fototipiya P. I. Babkina Publ., 1898. 454 p. (In Russ.)
32. Uzhankov A. N. The Doctrine of Pretext for Sin as a Spiritual Basis of the Artistic Image of Anna Karenina. In: *Novyy filologicheskii vestnik* [The New Philological Bulletin]. Moscow, Izdatel'stvo Ippolitova Publ., 2017, no. 2 (41), pp. 89–100. (In Russ.)
33. Froyanov I. Ya. Drama of an Ancient Family in Russian Epic Poetry. In: *Froyanov I. Ya., Yudin Yu. I. Bylinnaya istoriya: raboty raznykh let* [Froyanov I. Ya., Yudin Yu. I. Epic History: Works of Different Years]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 1997, pp. 283–392. (In Russ.)
34. Khalanskiy M. G. *Velikorusskie byliny Kievskogo tsikla* [Great Russian Epics from the Kiev Cycle]. Warsaw, V tipografii M. Zemkevicha Publ., 1885. 236 p. (In Russ.)
35. Khalanskiy M. G. *Yuzhnoslavyanskije skazaniya o kralevice Marke v svyazi s proizvedeniyami russkogo bylevogo eposa: sravnitel'nye nablyudeniya v oblasti geroicheskogo eposa yuzhnykh slavyan i russkogo naroda: v 4 tomakh* [South Slavic Legends About Prince Mark in Ties with the Works of the Russian Bylina Epos: Comparative Observations in the Field of the Heroic Epos of the Southern Slavs and the Russian People: in 4 Vols]. Warsaw, Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga Publ., 1895, vol. 3. (In Russ.)
36. Khrolenko A. T. The Epic World View and the Semantic Structure of the Folkloric Word. In: *Semantika yazykovykh edinit: doklady 4-y mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Semantics of Linguistic Units: Proceedings of the 4th International Scholarly Conference]. Moscow, Al'fa Publ., 1994, part 1, pp. 143–146. (In Russ.)
37. Chernyaeva N. D. Notes. In: *Russkie epicheskie pesni Karelii: sbornik* [Russian Epic Songs of Karelia: A Collection]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1981, pp. 261–289. (In Russ.)
38. Yudin Yu. I. *Geroicheskie byliny (Poeticheskoe iskusstvo)* [Heroic Bylinas (Poetic Art)]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 120 p. (In Russ.)